

ТРОЙСТВЕННАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ КУЛЬТУРЫ И ГРАНИЦЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

Автор: А. Г. ЗДРАВОМЫСЛОВ

*ЗДРАВОМЫСЛОВ Андрей Григорьевич - доктор философских наук, главный научный сотрудник
Института социологии Российской академии наук.*

Культурные предпосылки социологического мышления

Вопрос о культурных предпосылках социологического мышления рассматривается в современной социологической литературе как в теоретических, так и в историко-социологических исследованиях. Как правило, этот вопрос ставится в весьма общей форме. Задача настоящей статьи состояла в том, чтобы максимально конкретизировать саму постановку вопроса путем намеченного сопоставления состояния культуры социологического мышления в пяти странах: США, Великобритании, Франции, Германии и России (нет нужды специально обосновывать выбор этих стран. Можно сказать, что этот выбор постулируется).

Начнем рассмотрение этого вопроса со Смелзера, который достаточно четко фиксирует эту проблему в зиммелевских лекциях. Во второй главе, посвященной проблемам *мезосоциологии*, Смелзер констатирует: "Мы - социальные ученые - по-видимому, запрограммированы на то, чтобы при рассмотрении взаимоотношений различных аналитических уровней друг к другу (речь идет о микро-, мезо-, макро- и глобальном уровнях социологического анализа. - А. З.) быть предрасположенными (biased) определенным образом: это предрасположенность к методологическому индивидуализму. Мы живем в рамках западной культурной традиции, которая опирается на культурные ценности индивидуализма. Воспитанные в этой традиции, мы предрасположены к тому, чтобы рассматривать отдельную личность в качестве отправной точки анализа. Иными словами, культурная традиция склоняет нас к тому, что естественной единицей (natural unit) в поведенческих и социальных науках является индивидуум. Эта же склонность препятствует неформальным образом признанию других уровней социальной организации в качестве столь же естественных" [1].

Данная статья продолжает размышления автора о культуре социологического мышления, опубликованные в № 5 журнала.

Это высказывание примечательно во многих отношениях. Прежде всего, в нем в общей форме признается влияние культурной традиции на варианты социального мышления. Во-вторых, в данном случае говорится о западной культурной традиции, регион действия которой не определен. Возможно, что сфера ее влияния определяется несколькими странами западноевропейской культуры, при этом неясно, как обстоит дело с Восточной Европой и Россией и входят ли представители японской и китайской социологии в обозначенную сферу влияния? Далее, Смелзер утверждает, что западная культурная традиция опирается на культурные ценности индивидуализма. Эта постановка вопроса вызывает большие сомнения. Прежде всего, следует признать, что индивидуалистическая установка является доминирующей в рамках англо-саксонской культуры. Что касается социологии в Германии и Франции, то далеко не всегда она была преобладающей. Тезис о преобладающей роли индивидуализма в западной или даже только в американской культуре может быть оспорен. Этому тезису противостоят определения социологии как теории социальных отношений (Великобритания), теории социального пространства П. Бурдьё или коммуникативной социологии Ю. Хабермаса. В одной из своих работ американский социолог Р. Коллинз избирает в качестве отправного пункта при анализе цепей ритуального взаимодействия *"ситуацию в большей мере, нежели индивидуума"*. При обосновании разработанной им теории "радикальной микросоциологии", он прямо утверждает, что взгляд на мир сквозь призму индивидуума как социального актора несостоятелен. "Этот способ восприятия мира представляет собою результат специфических религиозных, политических и культурных традиций ближайших столетий. Это некая идеологическая установка относительно того, как надо смотреть на самих себя и на других, составляющая общепринятой идиомы, *аналитически отнюдь не самая полезная в качестве отправного пункта микросоциологии"* (курсив мой. - А. З.) [2].

Идеологическая (методологическая) установка, состоящая в восприятии индивидуума в качестве естественной исходной единицы в социологии, предполагает определенное развертывание социологии как дисциплины - от индивида к различным формам группового взаимодействия, к социальным институтам и, наконец, к макрообщностям. Соответственно, культуры, ориентированные на коллективности, будут предполагать иные способы развертывания этого же предмета.

Вопрос о доминировании индивидуалистической или коллективистской культурной традиции возникает и в связи с интерпретацией специфики социологического знания в европейских странах. О. Конт рассматривал созданное им детище как высшую точку прогресса общественной мысли. Однако в историко-социологической литературе имеют место и иные точки зрения. Известный американский историк социологии Р. Нисбет утверждает, что "социология является следствием интеллектуального течения, порожденного *историческими потрясениями"* (курсив мой. - А. З.) - Нисбет считает, что "социология появляется на почве традиционалистской и романтической реакции на Великую французскую революцию - реакции, тесно связанной с философией эпохи Просвещения" [3].

Обративший внимание на различие основных подходов к социологии как предпринятию науки французский социолог Р. Будон подчеркивает, что положение Нисбета "приложимо лишь к французской социологической традиции (Конт, Дюркгейм). Что же касается немецкой (Вебер, Зиммель), итальянской (Парето, Моска), американской (Парсонс, Мертон) традиций, а также той части французской традиции, которая не подпала под влияние Конта (Токвиль), то в них, напротив, заметна постоянная соотнесенность с индивидуалистической методологией, берущей свое начало в эпохе Просвещения" [4].

Заметим, что противостояние "индивидуалистических и коллективистских подходов" наблюдается не только в рамках французской традиции, но и в рамках немецкой (Маркс contra Вебер), итальянской (Лабриола и Грамши contra Парето), американской (Коллинз contra Смелзер), не говоря уже о традициях социального мышления в России.

Обратим внимание и на то, как рассматривает этот вопрос вполне сопоставимый со Смелзером французский социолог П. Бурдьё. Он констатирует: "господствующие традиции у каждой нации могут придавать противоположные значения крайним точкам одних и тех же оппозиций". Он настаивает на необходимости рационального диалога между европейскими культурами, который предполагает "осознание и понимание разных национальных полей, поскольку искажения текстов тем вероятнее, чем меньше знание контекста создания текста... Различия между историческими традициями столь велики, - предупреждает этот автор, - что применение к иностранному культурному продукту категорий восприятия и оценки, усвоенные в результате нахождения в национальном поле, может создать ложные оппозиции между похожими вещами и ложные сходства между разными вещами" [5]. Бурдьё обращает внимание на факт борьбы за доминирование определенных принципов мышления в сфере культуры, а следовательно, и за интерпретацию социальной реальности и поясняет свою мысль с помощью следующего примера. В современной европейской истории противостояние интерпретаций основывается на двух оппонирующих друг другу принципах. В первом случае речь идет о "*примате национальной культуры, глубины, философии и т.п.*", во втором - утверждается "*примат цивилизации, ясности, литературы*". Нетрудно заметить, что противопоставление культуры и цивилизации, глубины и ясности, философии и литературы означает противопоставление немецкой и французской традиций. С одной стороны, мы имеем социологию, опирающуюся на классику немецкой философской мысли, основанную на трудах Канта и Гегеля, а с другой стороны, на социологию, опирающуюся на блестящие образцы французской социальной мысли в лице Декарта, Паскаля, авторов французского просвещения, таких представителей французской литературы как Стендаль, Бальзак и их современники [6]. Разумеется, названные принципы можно рассматривать и в качестве дополняющих друг друга, но Бурдьё в данном случае, имея в виду интеграционные процессы европейского масштаба, отдает себе отчет в том, что преобладание той или иной системы принципов социального мышления обеспечивает создание механизмов доминирования в общеевропейских структурах разного уровня.

Различие в культурных навыках социального мышления, отмеченное Бурдьё, оказывается далеко не единственным, хотя бы потому, что и та, и другая комбинация принципов объединяются принадлежностью к континентальной культуре, которая уже в ином отношении оказывается противостоящей англо-саксонской традиции.

Но в данном случае для нас важна другая сторона дела, а именно, признание того, что именно *культурная традиция* формирует определенные склонности и предустановки в социологической исследовательской практике. Именно этот тезис заслуживает внимания и может быть развернут на основе *выявления специфики ценностного содержания национальных культур*. Так, М. Крозье полагает, что "чисто французские культурные традиции задают определенный стиль поведения: в случае возникновения "проблем" в функционировании какой-либо организации каждый стремится по-своему приспособиться к ситуации, не пытаясь прибегнуть к совместным действиям... В какой-то мере это объясняет специфику социальных изменений, свойственных Франции. Этот процесс принимает форму длительных периодов застоя с последующим вступлением в фазу кризиса" [7].

Три определения культуры

Обнаружив признание влияния национальной культуры на способы социологического мышления, сделаем следующий шаг анализа и выделим **три аспекта**, наиболее важные для выявления ценностного содержания культуры.

Первый состоит в рассмотрении культуры как *определенной целостности*, не столько формирующей, сколько резюмирующей характер социального мышления и социальных эмоций в данной стране в его соотношении с социальным мышлением, свойственным иным национальным традициям. Этот уровень привлекает ныне всеобщее внимание, поскольку апелляция к национальным интересам становится общим местом в современном политическом дискурсе. В историко-социологической литературе достаточно часто наблюдаются различия между терминами "национальная социология" и "социология в данной стране" [8].

Второй уровень определяется таким пониманием социологии, которое воспринимает ее как ответ на *исторические потрясения*, специфически воздействующие на все содержание национальной культуры и, естественно, на характер социального мышления данной нации. Этот уровень аналитического рассмотрения проблемы связан с выявлением роли социально-культурной травмы и формированием травмированного массового сознания. В современной социологии мы находим новое направление, ориентированное на исследования этой проблематики. Оно получило название "культурной социологии" [9] (в отличие от социологии культуры). Понятие культурной или социально-культурной травмы, выдвинутое в современной социологической литературе, позволяет подойти к анализу реальности гораздо более основательно, чем, например, идея противоречия.

Травма есть переживаемая боль - сильное побуждение к действию, характер которого иррационален. Травмы возникают как следствия поражений, несбывшихся надежд, резкого изменения привычного социального пространства, как память об утратах. Они становятся массовыми, и в тех случаях, когда источник боли не находит рационального объяснения и методов избавления, они приводят к деградации волевого начала, к стихийной трансформации всей структуры общественных отношений.

Наконец, **третий** уровень и, соответственно, третий способ в выявлении внутренней структуры ценностного содержания национальной культуры сопряжен с политическими, социальными, экономическими и культурными дифференциациями внутри данной культурной целостности. Этот уровень не поддается единой генерализирующей верификации. В конце концов, он предполагает персонификацию социологической проблематики, в ходе которой может быть выявлено не только влияние культуры на конструирование социологической теории, но и включение социологического творчества в культурный процесс.

Культура как целостность и предлагаемый схематизм

Остановимся вначале на первом уровне. Здесь речь идет о сопоставлении национальных культур именно как самодостаточных целостностей. При этом соответствующие национальные характеры, терминологически преобразованные в аналогичные "ментальности" или "менталитеты", рассматриваются подчас в качестве последних оснований мотивации социального действия, обнаруживающегося в некотором локальном измерении. **Эта методологическая конструкция: "национальная культура" - "структуры национального мышления" -**

Схема 1

Культурные коды пяти сравниваемых стран (как ориентиры взаимопонимания)

Франция	Великобритания	Германия
Приоритет политического мышления	Неприкосновенность личности	Порядок
Ясность и логика	Самоуправление	Приоритет философии
Просвещение	Эмпиризм	"Конституционный патриотизм"
Элитарность	Понимание границ власти	Упорство
Разнообразие	Терпимость	Вытеснение прошлого
США	Россия	
Прагматизм	Восприятие власти как отчужденного начала	
Патриотизм	Эмоциональность	
Набожность	Обучаемость	
Достижимость	Креативность	
Мультикультурализм	Сопrotивляемость угрозе извне	

"национальные характеры" - "менталитеты и ментальности" - "варианты социального действия", - представляет собою в современных условиях неизбежный ход объяснительных рассуждений постольку, поскольку национальные общности и национальные культуры - как минимум в своем языковом разнообразии - существуют в качестве социальной реальности. Они существуют как на макро-, так и на микроуровнях. Их существование воспроизводится как в идеологических формулах относительно национальных интересов, так и в ритуалах интеракции, вплетающихся в повседневную жизнь каждого индивида (примером могут служить брачные предпочтения).

Оставаясь в пределах первого уровня, можно было бы предложить в качестве предварительной объяснительной гипотезы общекультурных воздействий на формирование социального мышления следующую схему распределения ценностно-значимых характеристик, которые могут служить кодами в пространстве культурного взаимодействия. В выстраивании этих кодов мы намеревались выделить по пяти значимых характеристик для каждой национальной культуры, при этом пытались избежать "негативных характеристик", которые функционируют в массовых представлениях о "других". В этих характеристиках как бы резюмируется позитивный опыт социального мышления, который представляется в качестве фундаментальных ценностей, работающих на перспективу, охраняющих культурное своеобразие данной нации самыми многообразными способами, среди которых преобладающие личностные характеристики, определенные нормы мыслительной деятельности, восприятие властных структур, ориентации на традиции и стремление к инновациям. Разумеется, мы не претендуем здесь ни на завершенность предлагаемой схемы, ни на эмпирическую обоснованность каждой из систем. Скорее, это материал к размышлению, открытый для критики (см. схему 1).

Как представляется, обозначенные выше признаки, достаточно часто используемые в объяснительных моделях "национальных характеров", в свою очередь включаются в объяснения существенных событий социальной жизни. Подчеркнем, что это гипотетические характеристики, которые нуждаются в обсуждении и эмпирической проверке. Вместе с тем, этот способ рассмотрения проблем весьма распространен как на уровне обыденного сознания, так и на уровне сложных теоретических построений. И он приобретает тем большее распространение, чем более напряженной и конфликтной является ситуация, предполагающая объяснение. В свою очередь, это объясняется тем, что у

всех людей имеются этнические установки, которые закладываются вместе с освоением речи и первоначальными нормами социализации [10]. И идеи национально-этнической детерминации социальных событий и процессов, отношений между людьми, социальными группами и государствами прямо-таки ложатся на почву "естественного" противопоставления "нас" и "их".

И все же, как уже сказано, очерченный уровень анализа оказывается несостоятельным в том случае, если игнорируется следующий аналитический пласт. На более глубоком уровне рассмотрение национальной культуры исходит из идеи ее процессуальности. В этом случае культура рассматривается не в качестве единой ценностной доминанты, а в качестве *противоречивого процесса ценностного воспроизводства, включающего в себя борьбу и противоборство не только между национальным и интернациональным определениями социальной реальности, но и многочисленные коллизии в рамках собственно национальных традиций*. Дело в том, что события политической жизни страны приобретают ценностное содержание, поскольку они, будучи переработаны "культурой", становятся пунктами объединения и расхождения интересов и ценностных установок, моментами совпадения и несовпадения социальных чувств, групповых и личностных диспозиций, причинами возникновения противоположных мотиваций во вновь и вновь возникающих конфликтах и противодействиях. С этой точки зрения тезис о реальности бытия национальных культур верен, но... недостаточен! Национальная культура - верхний слой социальной реальности, оболочка сложного взаимодействия разнонаправленных социальных процессов. Тем более проблематичным было бы стремление вывести и социальное мышление как некоторую обобщенную характеристику, и социологию прямо из этого верхнего слоя.

Следует также принять во внимание, что культура данного общества включает в себя разнообразные способы реагирования на травмирующие события. Так, российское культурное пространство существует не только в форме исторического знания, но и в форме литературы, поэзии, музыки, живописи, осмысления всей совокупности травмирующих событий российской истории, действующих с исключительно длительным эффектом, приводящим к обогащению национального самосознания. Аналогичные процессы развертывались и во всех иных культурных пространствах.

Приведенная выше схема очерчивает некую совокупность характеристик, не являющихся исключительными для своей собственной культуры. Лишь комбинация характеристик раскрывает культурное своеобразие общества. Сама схема лишь иллюстрирует способы мышления, которые складываются на основе абстрактного культурологического подхода. Но этот подход фиксируется в массовом сознании, используется в практике повседневного общения в силу того, что у культурного представителя той или иной нации непременно складываются образы не только своей, но и иных наций - их национального самосознания.

Процессуальное понимание культуры и идея культурно-исторической травмы

Несколько иная картина получится в случае, когда мы введем понятие социально-культурной травмы и включим это понятие в ту же самую схему культурных пространств (см. схему 2).

Заметим одну из особенностей представленной схемы. Травмирующее событие может быть результатом и эндогенного, и экзогенного развития. Примером травм первого порядка являются революции и гражданские войны.

Схема 2 Травмирующие события пяти сравниваемых стран

Франция	Великобритания
Экономический кризис 1930 - 1938 годов	Вторая мировая война
Странная война 1939 - 1940 года	Странная война
Компьенский мир	Дюнкерк
Оккупация Франции	Бомбардировки Лондона, Ковентри
Раскол нации как следствие политики государственного коллаборационизма со стороны правительства Виши	Утрата статуса ведущей колониальной державы
Война во Вьетнаме и в Алжире и утрата статуса колониальной державы	
Германия	США
Поражение Германии в первой мировой войне	Гражданская война 1864 г.
	Апартеид
Воспитание личности нацистского типа и передача ей власти	"Великая депрессия"
	Пёрл-Харбор
Развязывание второй мировой войны	Применение ядерного оружия при бомбардировках
Преступления против человечества:	Хиросимы и Нагасаки
- Холокост	Война во Вьетнаме
- деятельность айнзац-команд	Война в Ираке
- Хатынь, Орадур-сюр-Гланн	Террористическая акция 11 сентября 2001 года
Поражение под Сталинградом	
Крах третьего Рейха	
Россия	
Гражданская война 1917 - 1921 гг.	Травма нацистского нашествия
Травма индустриализации и коллективизации	Смерть Сталина
Большой террор 1937 - 38 гг.	Распад СССР и крушение социализма
Гулаг	Война в Чечне

Травмы второго порядка - войны между государствами и в особенности войны XX века. В гражданской войне конфликт приводит к расколу нации, и травма оказывается результатом военных действий "брата против брата и сына против отца". Жертвами оказываются обе воюющие стороны и те, кто не определился сознательно в этой войне или попытался занять "третью сторону". Преодоление травмы предполагает, что сознание новых поколений пройдет через круги ценностной конфронтации и переосмыслит новые жизненные реалии. Однако пережитый раскол в жизни общества не исчезает бесследно. Важно строить политику преодоления травмы, не допуская унижения тех, кто считал, что они боролись "за правое дело", и не превращать примирения в реванш, который, в конце концов, приводит к разрушению травмированного сознания, к состоянию "хаоса", в котором нет ориентиров и нет будущего. Гражданские войны были пережиты Францией, Соединенными Штатами, Испанией, Россией. Германия и Великобритания не переживали гражданских войн или пережили их в качестве династических противостояний, осмысленных в художественном творчестве и именно таким образом "переработанных" в культуре. Вторая мировая война принесла травмы иного рода. Сама эта война оказалась травмирующим событием мирового масштаба.

Вместе с тем, необходимо принять во внимание, что взгляд на общество только через призму травмированного сознания, как правило, искажает общую картину рассматриваемого общества. Здоровое общество находит в себе силы к преодолению травмы не только за счет деятельности СМИ, роль которых явно преувеличена авторами теории травмы [11], но, прежде всего, с помощью иной композиции социального действия, которое создает социальную базу преодоления травматического сознания. Для иллюстрации нашей мысли

Схема 3 **Баланс событий травм и контртраум** (на примере России)

Травмирующие события	События - контртраумы
Гражданская война	Установление советской власти
Травма коллективизации	Создание индустриального общества
Большой террор 1937 - 39 гг.	Подвиги челюскинцев, В. Чкалова, создание образцов советского искусства
Гулаг	Создание наиболее демократичной массовой системы образования
Травма нацистского нашествия	Победа над фашистской Германией
Смерть Сталина	Первый этап демократизации "Оттепель"
	Переход к рыночной экономике, новой политической системе
Распад СССР и крушение социализма	Стабилизация политической системы с конца 1990-х и в первом де-
Война в Чечне	сятилетии 2000-х годов

приведем схему 3, в которой продемонстрирован баланс между событиями российской истории, травмирующими массовое сознание, разрушающими идентичность общества, и событиями, имеющими противоположный смысл.

Национальные школы - предварительная характеристика

Национальные социологические школы могут быть адекватно представлены лишь в контексте истории соответствующих стран. При этом важно осмыслить, как решающие события общественно-политической истории страны стимулировали (или блокировали) социологическую мысль и задавали ей определенное направление [12]. Эта гипотеза может быть подтверждена с достаточной убедительностью при сопоставлении особенностей развития главных национальных социологических школ [13]. Можно предположить, что необходимость выхода из экономической депрессии конца 1920-х годов стала мощным стимулом развития социологии в США как раз в то время, когда формировались основные постулаты теории социального действия. Во Франции возникновение школы Э. Дюркгейма связано с переосмыслением опыта поражения во Франко-Прусской войне, революционных потрясений этой страны, что привело к формулировке одной из главных идей всего направления - идее органической солидарности. В России потребность в развитии демократических институтов стала доминирующим фактором развития и распространения социологических исследований с конца 1950-х до начала 1970-х гг. и с середины 1980-х ("перестройка") по настоящее время. В Великобритании таким фактором стала задача создания "государства благосостояния" ("welfare state"), которая и породила потребность в институционализации социологии в 1950-е годы [14].

Во всех случаях в процессе легитимизации социологии в конкретных странах важную роль играли те формы социального мышления, которые были присущи именно данной стране. В концентрированном виде соответствующие формы мышления были выражены в философской культуре. Американская социология опиралась, прежде всего, на прагматизм [15], английская - на эмпиризм и шотландскую школу Просвещения [16], социология во Франции - также на традиции Просвещения и на политическую философию. Становление российской социологии в дореволюционный период было связано с философско-политическими дискуссиями на тему о перспективах и судьбах России в соотношении с судьбами стран Западной Европы. С 40-х гг. XIX века эта тема становится постоянной в российском социальном мышлении.

Представляется несомненным, что важным фактором развития поля социологии является освоение ею общего культурного этоса своей страны, так как именно в сфере культуры происходит формирование запроса со стороны общества на разработку определенных социологических идей. В свою очередь разработка этих идей вписывается в культурный процесс данного общества, становится его частью. В конечном счете, культурное брожение совместно с социальным осмыслением проблематики приводит к формулировке новых интересов и новых ценностных ориентиров в обществе.

Персонализация процесса социологического теоретизирования

Напомним, что мы, в известной мере, искусственно выделили пять стран для сравнительного анализа развития социологии. Чтобы понять способ возникновения новых идей - хотя бы в рамках социологии - представим себе эмпирическую картину ее развития по странам. Можно было бы в качестве единиц наблюдения избрать публикацию наиболее важных трудов. Но мы сосредоточимся на именах "известных социологов", авторитет которых трудно оспорим. Мы расположим эти имена в соответствии со странами их деятельности и с учетом хронологических рамок их жизни, несмотря на то, что многие из них могли бы принадлежать одновременно нескольким странам. Итак, перейдем к таблице имен, представленных не только по странам, но и по времени их жизни. Список этих имен может быть оспорен, с учетом весомых аргументов дополнен, но мы принимаем на себя риск представить его в таком виде и ожидаем корректирующих предложений от коллег, из какой бы страны они ни исходили (см. схему 4).

Внимательное прочтение предложенной схемы позволяет сделать ряд констатации, которые, несомненно, могут стать предметом более обстоятельных размышлений в ходе последующего изложения материала. Прежде всего, обращает на себя внимание тот факт, что основоположники социологии появились на свет в европейских странах и в России в промежутке времени с 1798 по 1820 год. Их детство приходится на время ближайших последствий Великой французской революции и наполеоновских войн; период их взросления и первые публикации относятся к первой половине XIX столетия. Так или иначе, их работы связаны и с событиями французской революции 1848 года. В течение десятилетий они оказывали мощное воздействие на интеллектуальную среду европейских стран.

Несомненно, сами по себе события Французской революции оказали огромное воздействие на социальное мышление эпохи, породив уже в эти годы **два типа мышления или две парадигмы: мышление, принимающее и ориентированное на революцию, и мышление, обосновывающее прогресс, опирающийся на реформы.** Первый тип рассчитан на влияние в массовых движениях, основанных на классовых, национальных или тендерных интересах. Второй ориентирован на государство и иные социальные институты, сохраняющие социальную стабильность. На основе первого типа складывается протестное мышление, на основе второго - академическая социология. В нашем исследовании мы преимущественное внимание уделяем второму типу, поскольку он вполне вписывается в академическую среду, и лишь упоминаем о существовании первой парадигмы, история которой образует отдельную ветвь в развитии мировой общественной мысли [17]. Несомненным фактом истории социальной мысли и социологии является как открытая, так и латентная полемика между обоими направлениями и их взаимовлияние.

Важно иметь в виду, что в ходе постоянных дискуссий социология меняет содержание. Прежде всего, это обусловлено изменениями самого предмета со-

Схема 4 Ведущие деятели социологии, распределенные по пяти сравниваемым странам (с учетом поколенческого фактора)*

Франция	Германия	Великобритания	США	Россия
О. Конт (1798 - 1857)	К. Маркс (1818 - 1883)	Д.С. Милль (1806 - 1883)		А. И. Герцен (1812 - 1870)
	Ф. Энгельс (1820 - 1895)			М. А. Бакунин (1814 - 1876)
А. Токвилль (1805 - 1859)		Г. Спенсер (1820 - 1903)		
Э. Дюркгейм (1858 - 1917)	Г. Зиммель (1858 - 1918)	А. Маршалл (1842 - 1924)	Г. Хьюз (1830-??)	Н. Я. Данилевский (1822 - 1885)
	М. Вебер (1864 - 1920)	Б. Бут (1840 - 1916)		П. Л. Лавров (1823 - 1900)
	Ф. Теннис (1855 - 1936)	А. Баули (1869 - 1957)		Н. Г. Чернышевский (1828 - 1889)
	В. Зомбарт (1863 - 1941)	С. Раунтри (1871 - 1954)		В. В. Берви-Флеровский (1829 - 1918)
	А. Вебер (1868 - 1958)			
Э. Гобло (1859 - 1935)		Л. Хобхаус (1864 - 1929)	Л. Уорд (1841 - 1913)	Н. К. Михайловский (1842 - 1904)
М. Мосс (1872 - 1950)			Р. Парк (1864 - 1944)	В. О. Ключевский (1841 - 1911)
М. Хальбвакс (1877 - 1945)			Д. Мид (1863 - 1931)	
		Т. Маршалл (1893 - 1981)	В. Томас (1882 - 1958)	М. М. Ковалевский (1851 - 1916)
	Т. Гейгер (18??-1952)	М. Гинсберг (1889 - 1970)	Г. Блумер (1900 - 1987)	Г. В. Плеханов (1856 - 1918)
	К. Мангейм (1983 - 1947)	Т. Боттомор (1920 - 1992)		В. И. Ульянов-Ленин (1870 - 1924)
				Л. Б. Троцкий (1879 - 1940)
	Н. Элиас (1897 - 1990)			И. В. Сталин (1879 - 1953)
				Н. И. Бухарин (1888 - 1938)
				П. Сорокин (1889 - 1968)
Ф. Бродель (1902 - 1985)	Т. Адорно (1903 - 1969)	К. Поппер (1902 - 1994)	Р. МакИвер (1882 - 1970)	Е. О. Кабо (19??-19??)
		Д. Рекс (р. 1925)	Т. Парсонс (1902 - 1979)	
Ж.П. Сартр (1905 - 1980)		Л. Локвууд (р. 1929)	Р. Мергтон (1910 - 2003)	
Р.Арон (1905 - 1983)		Э. Геллнер (1926 - 1999?)	Л. Козер (р. 1913)	
			Р. Миллс (1916 - 1962)	
М. Фуко (1926 - 1984)		Д. Голдторп (р. 1935)		
		П. Андерсон (р. 1938)	А. Гоулднер (1920 - 1980)	
			И. Гофман (1922 - 1982)	
			П.Л. Бергер (р. 1929)	Г. М. Андреева (р. 1924)
				Б. А. Грушин (1929 - 2007)
М. Крозье (р. 1922)	Т. Лакманн (р. 1927)	М. Арчер (1950?)		Т. И. Заславская (р. 1927)
		В. Рансиман (р. 1934)		Ю. А. Замошкин (1929 - 1993)

Схема 4 Окончание

Франция	Германия	Великобритания	США	Россия
А. Турен (р. 1925)	Н. Луман (1927 - 1998)	З. Бауман (р. 1925)	И. Валлерстайн (р. 1930)	А. Г. Здравомыслов (р. 1928)
П. Бурдьё (1930 - 2002)	Ю. Хабермас (р. 1928)	А. Гидденс (р. 1938)	Н. Смелзер (р. 1930)	И. С. Кон (р. 1928)
Р. Будон (р. 1934)			Ч. Тилли (р. 1929)	Н. И. Лапин (р. 1931)
	Р. Дарендорф (р. 1929)	Д. Платт (р. 1944)		Ю. А. Левада (1930 - 2006)
				Г. В. Осипов (р. 1929)
				О. И. Шкаратан (р. 1931)
				В. Н. Шубкин (р. 1923)
				А. Г. Харчев (1921 - 1987)
				В. А. Ядов (р. 1929)
				Ж. Т. Тощенко (р. 1935)
				О. Н. Яницкий (р. 1933)
А. Кастельс (р. 1942)	У. Бек (р. 1944)	К. Кроуч (р. 1950)	Р. Коллинз (р. 1941)	А. Б. Гофман (р. 1945)
Б. Латур (р. 1947)		Д. Урри (р. 1953)		Л. Г. Ионин (р. 1945)
Л. Болтански (р. 1940)	Г. Иоас (р. 1948)	А. Оукли (р. 1944)	Д. Александер (р. 1945)	М. К. Горшков (р. 1951)
А. Кайе (р. 1944)				Н. Е. Покровский (р. 1951)
Л. Тевено (р. 1949)			Т. Скокспол (р. 1947)	Г. С. Батыгин (1951 - 2003)
				А. Ф. Филиппов (р. 1958)

* Выделены фигуры, которые, так или иначе, оказали заметное влияние на социологическое мышление за пределами своих стран.

От редакции: Рекомендуем читателям этой статьи в развитие интересных идей А. Г. Здравомыслова обратиться к опубликованным в Интернет материалам "100 знаменитых книг по социологии" <http://www.ucm.es/info/isa/books/vt/bkv0Q0.htm> и "Сто знаменитых социологов. Прочные плечи, на которые можно опереться" - <http://www.sociosite.net/topics/sociologists.Dhp>

циологии общества в целом. Как правило, изменения общества осуществляются одновременно с изменениями его политического устройства, которое сопряжено с определенными взглядами как на общество, так и на природу человека. Кроме того, изменения в содержании социологии обусловлены динамикой научных открытий и полемикой вокруг них в смежных дисциплинах гуманитарного профиля. Переплетение этих факторов оказывается особенно значимо в эпоху перехода социологии от классики к модерну и от модерна к постмодернизму. В какой-то мере это совпадает с эпохами европейского исторического развития - от предвоенной ситуации к послевоенному периоду, от биполярной системы мира к его современному многополюсному состоянию.

Обратим внимание на то, что возникновение и распространение социологического мышления с момента его возникновения приобретает межнациональный характер. И этот интернационализм проходит несколько этапов. Так, идеи

марксизма с самого начала формулировались как точка зрения "пролетариата", они были сопряжены с лозунгом "Пролетарии всех стран, соединяйтесь!" и представляли собою теоретическую платформу международного рабочего движения и Первого интернационала [18]. Однако этот интернационализм был весьма далек от современных форм научного взаимодействия. Один из современных исследователей творчества Маркса Ф. Уин приводит на этот счет любопытный пример. На одном из заседаний Бюро Первого интернационала французский социалист (будущий зять Маркса) П. Лафарг объявил нации и национальности "чистой водой вздором". "Маркс рассмешил своих английских коллег, указав, что "наш друг Лафарг, как и прочие, кто отменил национальности, обратился к нам на "французском", то есть, на языке, который не поняло девять десятых присутствующих". Он насмешливо добавил, что, отрицая существование национальностей, наш юный фанатик, "видимо, совершенно неосознанно подразумевает их ассимиляцию образованной французской нацией" [19].

Что касается идей О. Конта и Г. Спенсера, то они удивительно быстро становятся известными во всех европейских странах. Причины их популярности можно усмотреть, прежде всего, в том, что они несли в себе: а) образ целостного общества - "национального государства"; б) идею прогресса, основанного на "научном знании общества"; в) апелляцию к переменам, которые могли бы быть осуществлены "сверху".

Заметим по пути, что Конт и Маркс не вступали в интеллектуальный контакт друг с другом. Герцен и Маркс жили в Лондоне одновременно, но не испытывали друг к другу симпатий. Лишь Д. С. Милль и О. Конт находились в переписке между собой. Иными словами, межнациональный характер возникающей социологии основан не на творческом сотрудничестве социологов и социальных мыслителей, а на приятии идей определенного типа в соответствующих "социальных средах", образующихся в разных странах на основе возникновения схожих социальных и классовых структур. "Среда рабочего движения" не принимает академической социологии, она воспринимает идеи марксизма, который адресован именно этой среде. А "интеллектуальная среда" воспринимает социологию Конта и Спенсера и отторгает идеи классовой политической борьбы. В то же время в европейских странах формируются группы пересечения этих солидарностей, поскольку среди интеллектуалов возникают персонажи и группы, претендующие на выражение интересов рабочего класса, трудящихся или народной массы в самых различных ее пониманиях.

Опираясь на схему, можно высказать дополнительные соображения по поводу интернационализации социологии. Э. Гидденс справедливо отмечает, что крупной вехой на этом пути стала работа Т. Парсонса, опубликованная в 1937 г. - "Структура социального действия" [20]. Эта работа - серьезная попытка обосновать теоретическую евроамериканскую социологию. Она опирается на труды М. Вебера (Германия), Э. Дюркгейма (Франция), А. Маршалла (Великобритания) и В. Парето (Италия), которые благодаря включению в работу молодого Парсонса в качестве своих предшественников в разработке "Большой социологической теории" как бы объединяются в едином теоретическом пространстве. Парсонс сам усматривает определенный идеологический смысл такого объединения. В предисловии 1968 г. к переизданию своего главного труда он так отмечает значение своей работы: "Для истории этой книги важно то, что в ней рассмотрены эмпирически некоторые наиболее широкие вопросы, касающиеся природы современного индустриального общества и, в особенности, вопросы природы капитализма. Более того, это было сделано в то время, когда Российская революция, Великая депрессия, фашистское движение и приближение второй мировой войны поставили множество фундаментальных социальных проблем. В теоретическом плане работа сконцентрирована на во-

просе о границах экономической теории. Этот вопрос решался с таких позиций, при которых не сохранялось преимущества ни с прочными теоретическими традициями "экономического индивидуализма", ни с противостоящими им социалистическими теориями даже британских демократических социалистов, не говоря уже о марксистах. Эти ориентации были исключительно важны для интеллектуальных кругов, поскольку многие их представители были вовлечены в обсуждение дилеммы "индивидуализм - социализм", а экономическая наука представлялась в это время самой важной из общественных наук" [21].

Появление этой книги означало три важных поворотных момента. Во-первых, это означало поворот в теоретическом социологическом мышлении в США, которое было до конца 1930-х гг. представлено, с одной стороны, Чикагской школой, ориентированной на теорему Томаса в ее индивидуалистической интерпретации, и, с другой, - философствующей версией социологии, предложенной П. А. Сорокиным, который претендовал на анализ всех мировых культур, всех мировых кризисов и революций. Теперь обе эти версии социологии отвергнуты. Это был важный шаг в формировании именно национальной теоретической социологии США. Во-вторых, работа Парсонса означала демонстрацию преимущества социологии США по отношению к традициям европейского социологического мышления. Ведь к моменту публикации этой книги имена М. Вебера и Э. Дюркгейма были почти забыты. Что касается А. Маршалла и В. Парето, то они вообще не существовали в поле социологии, так как Маршалл рассматривался как экономист, а трактат Парето был мало кому известен. Именно Парсонс одних европейских авторов воскресил, а других - возвел в сан социологов. Выбор опорных точек был тщательно продуман в методологическом плане: теоретические установки этих авторов должны были находиться между крайностями индивидуализма и коллективистских социалистических ориентации. Тот факт, что К. Маркс не был включен в число основателей социологии, несмотря на блестящие характеристики современного общества и на разработку теории капитализма, не может быть объяснен случайной забывчивостью. Это было сознательное (или подсознательное) "исключение" ("exclusion") как "факт идеологической борьбы". В-третьих, работа Парсонса обосновала теоретически самостоятельность социологии от смежных социальных наук. Методологическим ее основанием стал системный подход, рассмотрение "общества как системы" с опорой на определение Дюркгейма. Экономическая наука была "поставлена на место". Она теперь не могла претендовать на самую важную роль среди общественных наук, а рассматривалась, прежде всего, с точки зрения одной из функций социального целого - *адаптации* социума к природе, предприятия или отрасли производства к социальной системе, индивида к сложившейся социально-экономической ситуации. А само "целое" - "общество", "социальный организм", "реальность sui generis" - оказались в ведении социологии. Желания, мотивы поведения отдельных индивидов передавались психологии. Социология же рассматривала теперь агрегированные мотивы, порождавшиеся системой ценностей - высшего контролера в функционировании системы социального действия. Теория Парсонса и его ученика Мертона, как показал впоследствии Гидденс, стала основанием социологического "ортодоксального консенсуса", готового принять в свои объятия марксистскую социологию [22]. Правда, такой поворот дела относится уже к периоду после Второй мировой войны, когда Советский Союз выполнил свою реальную историческую миссию.

Именно в это время наступил **третий этап** интернационализации социологии, связанный с деятельностью Организации Объединенных Наций, ЮНЕСКО и Совета ЮНЕСКО по общественным наукам, который выстроил официальную линию коммуникаций между двумя социальными системами, сло-

жившимися в мире в этот период. Так называемое возрождение социологии в СССР после смерти Сталина было во многом обязано именно деятельности этих институций. Достигнутая в этот период возможность дискуссии и обмена мнениями предполагала значительный поворот в сторону деидеологизации социальных наук и, прежде всего, социологии. Позиция Поппера в интерпретации социального знания в гораздо большей степени подходила ситуации, чем позиции Маркузе или Адорно.

Десятилетия, прошедшие до падения СССР, не следует понимать как время бесплодных усилий. Это время носило исключительно противоречивый характер. Каждая из сторон стремилась к защите и упрочению своих интересов, но в то же время каждая из них старалась "не перегнуть палку", поскольку мир находился на грани гибели. "Ортодоксальный консенсус" на Западе был разрушен в конце 1960-х, когда наступила пора студенческих волнений. На его месте, как свидетельствует Э. Гидденс, "возникло приводящее в замешательство множество конкурирующих друг с другом теоретических концепций, не обладавших в полной мере теми преимуществами, которые были характерны для ортодоксального консенсуса" [22, с. 8].

В то же время над миром доминировала гонка вооружений. Она рассматривалась с обеих сторон как "фактор сдерживания", но это средство было такого рода, что оно могло оказаться сильнее, нежели провозглашаемая цель. Гонка вооружений означала углубление тупиковой ситуации. В перспективе обе стороны могли оказаться в ловушке, продемонстрированной Карибским кризисом 1962 г. Через четверть столетия после этого события Советская сторона провозгласила сохранение человечества и мира на Земле высшей ценностью в сравнении с классовыми интересами [23]. Осуществление этой задачи означало необходимость уступок, которые стали внешним фактором распада Варшавского договора, разрушения Берлинской стены, а затем и распада СССР. Однако в 1970-е и 1980-е гг. именно благодаря системе надблоковых контактов, которые носили вполне легальный характер, сохранялось взаимодействие между общественными науками.

Разумеется, взаимодействие это настолько ослабло, что теперь его нельзя характеризовать как фактор интернационализации социологии. Главное, что было создано в послевоенный период, - это система международных институтов в области общественных наук, и она продолжала действовать и в период холодной войны, обеспечивая функционирование международных социологических форумов и исследовательских комитетов, которые стали каналами продвижения ныне действующей группы авторов в области теоретической социологии. Большинство имен зафиксировано в последних строках схемы. Э. Гидденс, З. Бауман, П. Бурдьё, У. Бек представляют континентальную часть "сонма великих" в социологии, Н. Смелзер и Д. Александер - заокеанскую часть этой ведущей группы. Когда-то Н. Смелзера в кулуарах называли вратарем (gatekeeper) профессии, последние годы этот титул более подходит Гидденсу благодаря тому, что издательство Polity-Press находится под его влиянием.

Схема иллюстрирует два пути развития социологии в европейских странах и США. В США, Франции и Великобритании идеи социологии разрабатывались на основе преемственности социального мышления, благодаря чему возникал кумулятивный эффект накопления социального знания. Причем можно заметить, что в англосаксонской культуре социология с каждым поколением усиливала компонент эмпирического знания. Что касается Франции, здесь сильнее сказывается традиция философского подхода к социальной проблематике. Не случайно фигуры Сартра и Фуко часто включаются в состав французских социологов. Эти авторы не могут быть исключены из истории французской социальной мысли, поскольку они оказали огромное влияние на формирование послевоенного стиля социального мышления. Эти предшественники модернизма

создали новые образцы мышления в рамках французской традиции. Во Франции, так же как и в англосаксонском мире, идеи основоположников социологии не пропадают и не теряются. Они становятся предметом преподавания для каждого нового поколения. Более того, общее образование в этих странах все в большей мере наполнялось социологическим содержанием.

В каждой из названных стран своеобразно отношение к марксистской традиции. Наиболее благоприятно оно во Франции и Великобритании. Можно сказать, что французский опыт в лице Бурдьё связан с усвоением и переработкой всего положительного, что было связано с марксистской социальной теорией. А опыт Великобритании связан с теми ветвями марксизма, которые рассматривались как реформистские и "ревизионистские", и здесь он оказался весьма плодотворным. В США марксистское мышление никогда не обладало практическим влиянием, что определяется особенностями развития капитализма в этой стране и особенностями ее культуры. И все же, одним из наиболее заметных социологов марксистского направления является И. Валлерстайн - автор теории миросистемы. Что касается Германии и России, то социология в этих странах развивается своими путями, которые существенно отличаются друг от друга, также как и история этих стран. Сходство между ними не должно вытеснять понимания различий. Более конкретный анализ ситуации в социологии названных стран может стать содержанием последующего анализа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Smelser N. J. Problematics of Sociology: The Geogre Simmel Lectures*, 1995. Berkley: University of California Press, 1997. P. 30.
2. *Collins R. Interaction Ritual Chains*. Princeton University Press, 2004. P. 4.
3. Цит по: *Будон Р.* Место беспорядка. Критика теорий социального изменения. М., 1998.
4. Там же. С. 76.
5. Социальные условия международной циркуляции идей // *Социальное пространство: поля и практики*. М., СПб., 2005. С. 547 - 552.
6. См. также: *Везен Ф., Фердьё Ф.* Философия французская и философия немецкая. Воображаемое. Власть / Под ред. *Бибихина ВВ.* М.: УРСС, 2002.
7. Цит. по: *Будон Р.* С. 23 - 24.
8. Так, в четырехтомном издании "История теоретической социологии" под редакцией *Ю. Н. Давыдова* в первом томе используется термин "русская социология", однако в последующих томах та же самая проблематика преподносится под рубрикой "Социология в России". Работа *А. Холси* называется "A History of Sociology in Britain", но обсуждение этой книги, вышедшее по инициативе Британской академии наук, получило название "British Sociology. Seen from without and within" (ed. By A. H. Halsey and W. G. Runciman. The British Academy. 2005).
9. *Alexander J. C. The Meanings of Social Life. A Cultural Sociology*. Oxford University Press, 2003.
10. Важно заметить, что французская социология, следуя французской культурной традиции, не признает понятия "этничность". *Schnapper D. A View from a French Sociologist/British Sociology seen from without and within*. Ed. By A. H. Halsey and W. G. Runciman. Oxford University Press. P. 111.
11. Речь идет об упоминавшейся работе: *Alexander J. The Meanings of Social Life. A Cultural Sociology*. Oxford University Press, 2004.
12. Из известных нам историков социологии наиболее близко к выявлению влияния социально-политического и культурного контекста на направленность социологических идей и их содержание подходит Л. А. Козер в его работе "Мастера социологической мысли. Идеи в историческом и социальном контексте". (М.: Норма, 2005). В особенности содержательны с этой точки зрения главы о К. Марксе и М. Вебере. Автор этой работы рассматривает порознь социальный и интеллектуальный контексты формирования социологических идей и их восприятия.
13. Основным признаком национальной социологической школы выступает язык, который объединяет авторов самых разных мировоззренческих и методологических позиций. Владение им определяет и границы аудитории, способной воспринимать социологические тексты.
14. *Halsey A. H. A History of Sociology in Britain: Science, Literature and Society*. Oxford University Press, 2004. стр. 17

15. В литературе отмечается связь чикагской школы с прагматизмом Джеймса и Дьюи, в то же время при рассмотрении истоков американской социологии необходимо отметить сильное влияние протестантской этики.
16. *Halsey A. H.?* 55.
17. См. подробнее: *Андерсон П.* Размышления о западном марксизме. М.: Интер-версо, 1991.
18. Первый Интернационал провел 5 международных конгрессов. Он существовал с 1864 по 1876 годы, подготовив почву для образования европейских социал-демократических партий.
19. *Уин Ф.* Карл Маркс. М.: АСТ, 2003. С. 316.
20. *Гидденс Э.* Устроение общества. Очерк теории структуризации. М., 2005. С. 6 - 7.
21. *Parsons T.* The Structure of Social Action / A study of Social Theory with special reference to a group of recent European Writers. V. I. The Free Press. N.-Y.-London, 1968. P. VI.
22. *Гидденс Э.* Устроение общества. Очерк теории структуризации. М., 2005. С. 8.
23. *Горбачев М. С.* Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М., 1987.